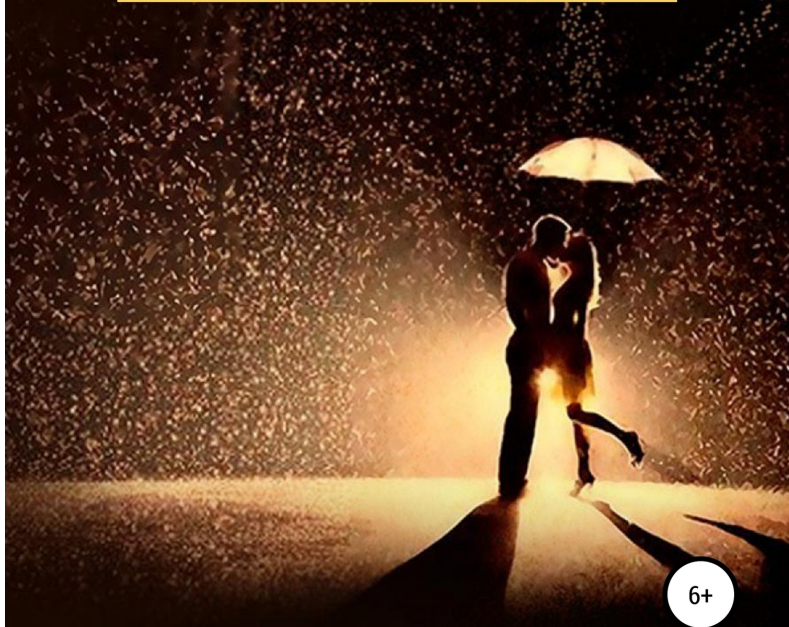

Люся Моренцова

Стихи в темноте

6+

Люся Моренцова

СТИХИ В ТЕМНОТЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58863668

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник стихотворений известной петербургской поэтессы Л. Моренцовой, на основе которого был создан одноимённый спектакль. Среди центральных произведений книги "Стихи в темноте" – сказание о праведном Иове и стихотворение "Скажите, Вы когда-нибудь любили?" Темы других стихотворений, вошедших в сборник, касаются почти всех сфер человеческой жизни: любви, предательства, верности, политики, истории и т.д.

Коммуналка

Да, я застала коммуналку.

Мы жили счастливо вполне.

На целый двор – одна скакалка,

А посиделки при Луне...

А телефоны – в коридоре,

И вечно занят аппарат!

Одно на всех бывало горе,

И друг за друга всякий рад...

А поскандалить в понедельник:

Чья чередá помыть полы?

А свечи вместе жечь в Сочельник?

А в праздник сдвинуты столы!

Да, я застала это чудо

На Петербургской стороне.
Я счастьем выросла отсюда.
Вот отчего понятно мне
Спасительное чувство локтя
От рождества и до седин...
А то, как вы сейчас живёте,
Так каждый мается один.
А мы ругаться успевали,
И подружить, и повенчать.
И, было дело, выпивали,
И обсуждали чью-то статью...
Ночами под моим балконом
Сверкнет сигаркой паренёк,

Мне по родительским законам

Не выйти. Дом заснуть не мог!

И до утра мне мыли кости:

Кто, дескать, к девке приходил

В двадцатую квартиру в гости:

«Смотри, Люсьенн, чтоб не чудил!

А то, мол, принесёшь в подоле

И нахватаешь в жизни зла!»

А мне так жаль сейчас, до боли,

Что я послушная была.

Порой я чувствую вторжение

И неизбежность неких строк.

Здесь прежде на Монетной Блок

Писал свои стихосложения.

Быть может, с этим чудом ритма
На Петроградской стороне
Доводится дружить и мне?
Но так ли это очевидно?

Весь Петербург и дух его
Исполнен мистики и чувства,
В нём так легко служить искусству
И предпочтительней всего.

*Эпиграф: "Там, где дни облачны и кратки, рождается племя,
которому умирать не больно." Петрарака.*

Там, где дни облачны и кратки...

Пожалуй, это в Петербурге.

Я поищу в своей тетрадке

Линенно сотканые звуки.

И по навету Демиурга

Сияю солнечно, но сольно.

Наверно, это в Петербурге

Кому-то умирать не больно.

И сиреневый зимний рассвет

Задымил над моим Эрмитажем.

Нет потерь и усталости нет-

Все исчезло в твоём эпатаже.

Ты мне что-то тогда провещал
Переделом твоих территорий:
Летний сад и осенний вокзал,
Современная прошлость Астории...
И когда я тоскую о нас,
Я кружу над сиреневым Питером,
Пролетаю Фонтанку и Спас

И стучу к тебе утренней литерой.

Я обожаю Питер ранним утром,
Когда мудреет сердце после ночи,
Когда Нева сверкает перламутром
И отпускать глаза никак не хочет!
Когда сирень таинственной вуали
Над Монферраном царственно ложится.
Когда глаза от ночи не устали
И узнавать свои пытались лица.
Когда под стрелку у Сенатсткой тусы
Заходит солнце в поворот со стажем,
Смолкают мнения, бои и вкусы,
Застыв в поклоне перед Эрмитажем.

И волны Финского залива,
И свежесть юной бересты
Меня учили терпеливо

Слагать созвездия в листы,
Роднится с криком белой чайки,
Теряться в гуле куполов,
Порхать пугливо мелкой стайкой
Моих коротеньких стихов.

Всегда стремиться к горизонту
От повседневной суеты.

Не видеть царственного понта
И быть всегда, где б ни был ты.

Мои фонтаны – веер Петербурга,
Величественность гимнов и мостов,
Восторг зевак, торжественность мазурки,
Садовая изысканность кустов...

Их принадлежность мне – Вот дерзость роли!

Владелицей над городом кружу!

Вам показалось это произволом?

Мой друг, я тоже им принадлежу.

Мне петербуржские мосты
Важнее всех вершин на свете!

И не от праздной красоты,

А то того, что вольный ветер

Живёт в причалах и дворах,

Скрипит чугунными цепями...

И на старинных образах

Над православными церквами
Гуляет словно господин,
Которому всегда подвластны
И тайны брошенных руин,
И тайны наших жизней частных.
Да будет он свидетель мне,
Моим подъёмам и паденьям,
Моим метаньям при Луне,
Словам моим и рассужденьям...
Мой питерский бессменный страж,
Свободней всех свобод на свете!
Меня, я знаю, не предашь,
Ведь ты не человек, ты ветер!

И Ангел Петропавловского шпиля,
И солнца свет, разбрызганный по водам,
и все мои не пройденные мили,
и все, ещё не взятые высоты!
Всё то, что так люблю теплом сердечным
Без ожиданий, и без всякой меры,
Мне дарит несказанную беспечность
И торжество любви твоей и веры.

Я хочу рисовать этот город великий
В перекрестье разлетов его площадей!
Узнаваемый дух и всегда многоликий,

Иногда только мой, и однажды – ничей...
Мне родная Нева словно кровью под кожей
Целой жизнью, как сердцем влюблённым, стучит:
Я такая, как ты, мы с тобой так похожи –
Это питерский дух в нас мятежно бурлит!
Если нету покоя, и Бог с ним, с покоем,
Я могу и с покоем, и, знаете, без.
Нет достойных – пускай! Я могу без достойных!
Не могу без любви и без правды небес!

Третий снег над моей головой.

Вечный город и Родина писем.

Все, что он мне вчера перечислил,

Я уже паковала с собой...

Третий снег над моей головой.

Ожидает Манежная площадь,

Стоя дремлет забытая лошадь,

Снится ей голубой водопой,

Третий снег над моей головой.

Тайна снега... Чуть дрогнет в камине

Чьё-то тихое нежное имя

Обещанием встречи с тобой.

Третий снег над моей головой.

В ожидании первых трезвучий

Он уже завальсировал с тучей,

Одевая подходы домой.

Дивен снег над моей головой.

Двадцать два по Москве.

О любви и с мечтой,

Не дождавшись весны

У узорчатой форточки,

Кареглазой,

Но бледноволосой зимой

Обернувшись пою
Певчей птицей на жёрдочке.

Я пою про тепло,
А изысканный снег
Вензелями кружит
И плетёт своё творчество.
И какой-то нелепый
Смешной человек
В снег обронит слова
Медяками пророчества.

Двадцать два по Москве
За морозным стеклом
Зазвучал и осип
мой ли голос простуженный?
Это снегу и мне
Ничего ни по чём,
Он из песен моих
Доплетёт своё кружево.

В этом доме, как прежде стоят часы.
И никем не преданный не поймет,
Что как только жизнь встает на весы,
Вот тогда и часы замедляют ход.

Если верить старцам, и опыт друг.
То вполне возможна живая новь.
Но до свадьбы в дом не зови подруг,
И никогда на весы не клади любовь.

А может, забыть о них?
Неполных шестнадцать лет
Вплести в основной стих
И выдать его земле,
Как вирус, что лечит боль,
Собой истребляя смерть?
Предательство и Любовь
Сидят на моем столе...
И в вечности диалог...
И чьих-то бровей испуг...
И тот, кто кричал: "Бог!
Я верен, и я Твой друг",
Скукожился, как зерно,
И был посвящен золе...
И я наблюдаю вновь
Круги на моем столе.
И прежних позиций – крах!
И нынешних – ерунда!
И вместо Земфиры – Бах,
И вместо огня – вода!
Ничто не горит, нет.

И вместо любви – ложь.
В неполных шестнадцать лет
Кто знает, как ты живешь...
Кто знает, что в карем дне
Моих и твоих глаз
Случилось любить мне
Единственный в жизни раз.
А все остальное – так,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.